

Юрий Иванович

Бег по песку

*Часть сборника
Земля в иллюминаторе (сборник)*

Юрий Иванович

Бег по песку

«ЭКСМО»

2001

Иванович Ю.

Бег по песку / Ю. Иванович — «Эксмо», 2001

«Макс Билландер просыпался с огромным трудом. Кто-то из всех сил барабанил в дверь его каюты. Во рту была неприятная сухость, и ему пришлось пошевелить одеревеневшими губами, перед тем как выкрикнуть:— Ну что? Что случилось?!— Капитан! — Раздался из-за двери голос матроса. — Да проснитесь же вы, наконец!..»

© Иванович Ю., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Пролог	6
К морю	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Юрий Иванович
Бег по песку
Ироничный детектив

© Иванович Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Пролог

Макс Билландер просыпался с огромным трудом. Кто-то изо всех сил барабанил в дверь его каюты. Во рту была неприятная сухость, и ему пришлось пошевелить одеревеневшими губами, перед тем как выкрикнуть:

– Ну что? Что случилось?!

– Капитан! – Раздался из-за двери голос матроса. – Да проснитесь же вы, наконец!

Макс уже почувствовал: что-то не так. Самое неприятное было то, что яхта стояла, слегка поскрипывая снастями и покачиваясь на легкой волне. Гула мотора не было слышно. И это было очень странно. Стук в дверь снова возобновился.

– Иду, иду! – Капитан сорвался с коечки, на ходу надевая повседневный китель. При этом его так качнуло, что он сразу даже не смог попасть на дверь. «Ого! – удивился он про себя. – Будто всю ночь пропьянствовал в портовом кабаке!» Как владелец и капитан, Макс Билландер никогда не позволял себе выпивку в море, разве только в особых, праздничных случаях. Да и то в минимальных дозах. А сейчас у него было такое состояние, как после жуткого похмелья. С трудом нащупав дверную ручку, открыл дверь:

– В чем дело?!

– Капитан! У нас неприятности! – выпалил огромный лысый детина, один из двух матросов, работающих на яхте Билландера. Он нервно переминался с ноги на ногу, а его лицо выражало сильную взволнованность и даже испуг. – Я проснулся по будильнику, – стал он рассказывать, немного запинаясь. – Идти на вахту... Слышу, все тихо... мотора не слышно. Пошел в рубку, а там... все приборы разбиты...

– Как?! – Остатки сна у капитана как рукой сняло. – А где Пепе?

– А Пепе... – матрос сокрушенно развел руками. – Нигде нет. Я к нему в каюту: его вещей тоже нет. И...

– Ну! Что еще?!

– ...И шлюпки тоже нет...

– О, Святая Мария! – вырвалось у капитана. Он даже почувствовал при этом резкую боль в том месте, о котором чаще всего говорят люди, перенесшие инфаркт. – А где мы хоть находимся?

– Не знаю, капитан, – матрос хоть и был трудолюбивым, но слабо ориентировался в навигации. – Но я заметил совсем недалеко от нас какой-то маяк. Ну, а потом сразу бросился к вам в каюту, минут пять стучал, не мог вас разбудить.

– Так нас же может снести на рифы! – запричитал Макс Билландер, бросаясь по трапу на верхнюю палубу.

К морю

Каждый мужчина мечтает пережить любовное приключение. Особенно в пути. И тем более оно представляется романтичным и поэтическим – на пути к морю. Уже только то, что едешь отдыхать к ласковым волнам, переполняет душу трепетным ожиданием чего-то доброго, большого и прекрасного. А если по дороге к этому прекрасному еще и удастся познакомиться с очаровательной блондинкой... Настоящий мужчина всегда внутренне готов к подобному моменту в своей судьбе и надеется на приятное для себя стечение обстоятельств.

Я, например, всегда мечтал о таком длительном путешествии, будь то в поезде или в автобусе, когда на пустующее возле меня место неожиданно подсаживается сногсшибательная блондинка. Мне представлялась какая-нибудь фраза, подходящая для начала разговора, потом ее первый, несмелый ответ; потом моя первая удачная шутка, и на это ее первая милая улыбка. Дальше, в своих фантазиях, я строил интереснейший разговор, блистал своей эрудицией и восхищал неистощимым остроумием. Постепенно моя попутчица становилась раскованнее, откровеннее и, в конечном итоге, намного, если не совсем, ближе, чем в начале нашего пути.

Ну а дальше... Дальше моим фантазиям порой не было предела. Оставалось только дожидаться подобного момента в жизни.

К огромному сожалению, хоть я уже и достиг двадцативосьмилетнего возраста, подобного знакомства за всю мою жизнь так и не произошло. Пока... Не знаю почему, но мне страшно в этом не везло. Хоть и много путешествовал. Где я только не побывал: Франция, Германия, Алжир, Тунис и даже Италия. В последней стране я пробыл летом прошлого года около трех недель, и мне там очень понравилось. Особенно запомнилась одна экспансивная итальяночка. Но с ней меня познакомил мой земляк на одной из вечеринок. То есть по жизни мне вообще-то везло, грех было бы жаловаться на фортуна.

Везде было хорошо, но не в самом пути. Вечно возле меня садился кто угодно, только не вожделенный объект для знакомства и поклонения. То в мои попутчики пристраивались сгорбленные старцы с трясущимися головами и коленками, то преклонного возраста старушечки, тут же впадающие в сон и похрапывающие большую часть дороги. Иногда это были люди и моего возраста: замороженный бухгалтер, не выпускающий из рук калькулятора; очкарик в затасканном свитере, все время вздрагивающий от громкой музыки, раздающейся из наушников плеера. Однажды, правда, была и некая молодая девушка, очень бойкая особа и уж слишком энергичная. Да еще настолько, что мне пришлось отбиваться от ее активных действий и бесхитростных попыток познакомиться поближе. Потому что она была явно не в моем вкусе – она была толстая! А толстая женщина в моей жизни может быть или другом, или сотрапезником, или собутыльником. Ну, в лучшем случае – товарищем по работе. И не больше! А уж тем более не женщиной в близком, интимном отношении.

Но я всегда ждал и верил: у меня все еще впереди.

Август, как всегда в Мадриде, был солнечный, душный и невыносимо жаркий. Я изнемогал на службе, словно в огромной парилке, и почти не мог выспаться на горячей подушке в ночное, такое же «не прохладное», время. Отпуска не предвиделось из-за огромного количества работы и многочисленных заказов, и от этого становилось довольно-таки грустно: хотелось поближе к воде или к горам или хотя бы к освежающему лесу. Но делать было нечего, приходилось настраиваться на каждодневный, напряженный труд.

И вот тут-то, совершенно неожиданно, шеф объявил об отпуске. У него очень интересно сложились семейные обстоятельства, и он просто вынужден был «уйти» себя в отпуск, а под это удовольствие и мы, у него работающие, тоже попали. Конечно, было обидно, что не подготовился должным образом, но! Отпуск есть отпуск, все равно что-нибудь придумаю и отдохну, как полагается.

И буквально на следующий день мне позвонили два моих старых товарища. Они работали в этот момент у самого моря в Галиции, временно прикомандированные к одной фирме, работающей по нашему профилю. Узнав, что я в отпуске, друзья убедительно стали настаивать, чтобы я не тянул время и ехал к ним. Немедленно! Хотя бы дней на десять. И погода здесь чудесная, говорили они, и море синее, и небо голубое, и мы тебя шикарно устроим. Мол, и времени у нас свободного масса, работаем только до обеда, и есть возможность закатить несколько холостяцких пирушек.

Ну, как можно было не поехать?! Я тут же купил билет на автобус, выезжающий в полночь, позвонил друзьям, что буду у них завтра, еще до обеда и занялся спешными приготовлениями в дорогу. Постригся, погладил свои рубашки, шорты и майки. Как ни старался брать вещей поменьше и только самое необходимое, все равно получилась большая дорожная сумка и битком набитый заплечный рюкзачок. Пытаясь все разложить как можно аккуратнее, я, любящий всегда приходить к отправлению заблаговременно, вышел из дому чуть позже и прибыл к автобусу за пятнадцать минут до его отхода. Большинство пассажиров уже были в салоне, а остальные вкладывали свои вещи в багажное отделение.

Я тоже попытался засунуть свою сумку туда же, где и остальные, но водитель, узнав, что я еду до самого Сантьяго, сказал, что мои вещи надо ставить в секции с другой стороны автобуса. Пришлось ждать своей очереди, и поэтому в автобус я вошел чуть ли не последним. Но как сразу учащенно забилося мое сердце! Я знал – мое место по левому борту, в четвертом ряду, возле прохода. А возле окна я увидел белокурые волосы, уложенные витыми локонами. Неужели блондинка?! Чуть ли не бегом бросился к своему сиденью, желая быстрее увидеть лицо, скрываемое высокими спинками впереди стоящих кресел, да и все тело моей вожаемой попутчицы.

Но какой же был облом, когда я подошел поближе. «Блондинке» было лет под семьдесят! Она читала журнал, беззвучно шевеля при этом тонкими строгими губами. Счастливая улыбка моментально сползла с моего лица, а в голове мелькнула грустная мысль: «Вечно мне не везет!» Поздоровавшись, я стал запихивать свой рюкзак на полку для ручной клади. Бабулька взглянула на меня поверх своих очков, ответила на приветствие и, приняв еще более строгий и неприступный вид, снова уставилась в журнал. А я был так расстроен, что даже долго не мог засунуть распухший рюкзак в узкое пространство полки, огороженное по высоте жесткой проволокой. Я так энергично оттягивал эту проволоку, что вызвал этим смехок у кого-то за моей спиной. Мне стало еще обиднее, и я даже мельком пожалел о своем путешествии.

Наконец мне удалось впихнуть свои пожитки и усесться на положенное мне место. Еще минут пять я в расстроенных чувствах смотрел мимо престарелой крашеной блондинки на вокзальную суматоху, вспоминая все свои предыдущие поездки и приходя к выводу, что мне, вероятно, никогда не суждено интересно и приятно провести время в дороге.

Но вот автобус тронулся и, проехав по туннелю, вырвался на дорогу. Дорогу, которая вела к морю, солнцу да и просто к отдыху, и мысли мои стали принимать более оптимистичский характер. «Да бог с ней, с этой бабушкой! Нашел из-за чего расстраиваться. Уже завтра я буду прыгать в прибой и барахтаться в соленых волнах, смотреть на горы и любоваться прибрежным пейзажем. А может, даже удастся арендовать там виндсерфинг? Это было бы вообще прекрасно! Я ведь уже два года, как не плавал под парусом. Если бы еще и с аквалангом понырять...»

Короче, я полностью переключился на ожидание завтрашнего дня и на предполагаемые и вполне реальные удовольствия. Настроение сразу же улучшилось, и я даже заулыбался своим мыслям. За целую ночь пути можно прекрасно выспаться и явиться к моим товарищам бодрым и свеженьким, как огурчик. Приняв это решение, я стал тут же откидывать спинку своего кресла, готовясь ко сну, и совершенно машинально окинул взглядом салон и пассажиров, в нем сидящих.

И обмер! Справа, возле меня, через проход, сидела она! Я так и застыл, не в силах ни отвести взгляд, ни повернуть голову, ни убрать с моего лица глупую восхищенную улыбку. Она не была блондинкой, но была в сто раз лучше. Ее волосы были темно-каштанового цвета и ниспадали на плечи водопадом мягкости и упругой эластичности. Узкие брови прекрасно обрамляли ее черные жгучие глаза с удивительно длинными ресницами. Маленький аккуратный носик, пухлые розовые щечки и чувственные, чуть-чуть даже слишком большие губки над идеально круглым и мягким подбородком заставили меня забыть буквально обо всем на свете. Она была примерно моих лет, но я знал, что вечером женщины выглядят чуть старше, и решил, что ей лет двадцать пять – двадцать шесть. Фигурка у нее, насколько я мог рассмотреть, была в норме, вернее, самое главное – она не была толстой.

Минут пять я смотрел на девушку, не моргая. Постепенно она почувствовала мое неотрывное внимание и, как бы невзначай, тоже прошла по мне взглядом. Видя мои расширенные глаза, и вероятно, не очень умную, но радостную улыбку, она снова вернулась в исходное положение. Но при этом кончики ее бровей дернулись вверх от недоумения, а уголки губ чуть опустились с иронией вниз. Всем своим видом она как бы сразу обозначила непреодолимую дистанцию между нами, несмотря на то, что я мог коснуться ее рукой.

«Какой же я лопух! – появились у меня первые мысли. – Возле меня сидит такая сказка, а я заглядываюсь на престарелых блондинок! Некрофил несчастный! Ну надо же! Нет чтобы поздороваться со всеми, кто сидит рядом. Как же теперь завести разговор? Здраваться поздно, прощаться рано, да и смешно. Сразу представиться – неловко. Задать какой-нибудь вопрос? Но какой? Который час? Идиотизм! Над водителем табло электронных часов, видимое всему салону. Да и мои часы пришлось бы спрятать в карман. Заговорить о погоде? Н-да... Примет за дебила! Спросить, куда едет? В принципе – можно! Но... лучше бы это сделать, когда она посмотрит в мою сторону. А то, как это будет выглядеть: «Куда вы едете?» Она продолжает смотреть в окно. Еще громче: «Может, и я туда же?» И вместо нее отвечают другие пассажиры: «Да, да! Там так здорово!» Остается одно: ловить ее взгляд. А если не поймаю? Тогда надо приложить все усилия, чтобы его привлечь! И побыстрее! Время-то идет!»

И я, позабыв о сне, стал применять все свои знания, умения и опыт для того, чтобы красавица повернула голову в мою сторону хотя бы еще один-единственный раз.

Что я только не вытворял. Вначале корчил смешные рожицы, потом складывал пальцы рук в самые немыслимые фигуры и сочетания. Раскачивался в кресле, шлепал подошвами сандалий по полу, выстукивал шариковой ручкой по подлокотнику кресла барабанную дробь и даже звонко щелкнул несколько раз зубами. Но все безрезультатно. Вернее, почти безрезультатно.

Девушка все-таки боковым зрением заметила все мои ужимки и ухищрения, но от этого еще больше напряглась и сидела, словно окаменев. Наверняка про себя она твердо решила: ни за что и ни при каких обстоятельствах не смотреть в мою сторону. Но зато я привлек к себе внимание других попутчиков. Моя соседка слева посмотрела на меня вначале удивленно, потом с нескрываемым осуждением. Ее пальцы нервно тербли журнал, и у меня даже сложилось мнение, что ей не терпится схватить меня за ухо и хорошенько оттащить, призывая к порядку. Зато сосед прекрасной шатенки, отвлекшись от своего журнала, несколько раз перевел взгляд с меня на девушку и заулыбался. И даже поощрительно подмигнул.

Если попытаться его описать, то он выглядел довольно-таки колоритно. Всем своим видом он напоминал мне некоего полтавского председателя колхоза «Моя хата с краю». Для полного сходства ему не хватало только соломенного брыля на голове да пары небольших украинских орнаментов на его белой сорочке. Мысленно я его сразу окрестил: «полтавчанин-председатель».

Я уже было хотел заговорить хотя бы с ним и даже прокашлялся, прочищая горло. Естественно, и фразы заготовил надлежащие. «Далеко ли едете? А вы, девушка?» Но та, совер-

шенно неожиданно, так взглянула в мою сторону, будто послала разрывную пулю. Я на минуту ослеп, оглох, забыл, кто я, где я и что собирался сделать. Какие у нее были глаза! М-м-м! В них можно было утонуть и даже этого не заметить! Сделал пару глубоких вдохов, приводя себя в чувство. Может, она колдунья?! Надо быть с ней поосторожнее. И неплохо было бы подчеркнуть, при случае, как ослепляет и нравится мне ее взгляд. У меня была одна заготовка для такого действия, и я решил дожидаться удобного момента и ее применить. А пока приходилось снова ждать какой-нибудь возможности для начала задуманного мной разговора и знакомства.

И тут судьба подкинула мне шанс блеснуть своим остроумием, а возможно и достичь желанной цели. Девушка, под моим неотрывным взглядом, стала нервничать еще больше и, скорее всего, машинально стала покусывать кончики своих ноготков. И я выпалил не задумываясь:

– Вы голодны? У меня есть бутерброды, могу угостить!

Если бы она засмеялась – это был бы самый ожидаемый вариант. Но она прямо-таки вся вспыхнула от стыда. Зато ее сосед, у окна, прекрасно все слышавший, не сдержавшись, прыснул смехом и даже закрыл усатое лицо журналом с модными девицами. Только виднелась его круглая лысая верхушка головы, вздрагивающая от непроизвольного хихиканья. Я тоже заулыбался удавшейся шутке, и мой самодовольный вид только еще больше взбесил несчастную женщину. Она метнула в мою сторону уже целый взгляд-снаряд (меня не контузило только потому, что я успел сомкнуть свои веки), потом взглянула на дядьку глазами ребенка, у которого забрали все, все, все, и уставилась в спинку впереди стоящего сиденья. Пальцы свои она сцепила на коленках так, что костяшки побелели, и вроде даже как раздалось потрескивание ее косточек. Я поднял руку, как бы прислушиваясь; она скосила глаза в мою сторону.

– Где-то кого-то пытаются! – глубокомысленно изрек я. – Я слышу хруст ломаемых пальцев!

Она нервно разняла сцепленные руки и засунула их под мышки. Зато «полтавчанин» залился таким неумным смехом, что на него повернулись почти все пассажиры автобуса. А он никак не мог остановиться и даже стал смешно похрюкивать, не успевая набрать в грудь больше воздуха. Некоторые наши попутчики посмотрели и на меня, видя мою всезнающую улыбку и как бы спрашивая: «Чего это он?» На что я авторитетно и громко заявил:

– О-чень съмесьная анекдота услысаль!

Теперь засмеялся уже весь автобус. Кто над дядькой, кто над моим акцентом, а кто вообще друг над другом. Только красotka сидела красная и нервно покусывала губы. Ее сосед с трудом выдавил из себя: «Извините...», всеми жестами показывая, что хочет выйти, скорее всего, в туалет. Она, встав, пропустила, и полтавчанин на полусогнутых рванул в конец автобуса. Складки его животика тряслись не от быстрой ходьбы, а от разрывающего все его тело утробного смеха. Сквозь него многим удалось расслышать несколько слов:

– Какой анекдот! Жизнь... это! Ха-ха-ха-ха!

Пассажиры развеселились еще больше, а девушка, гневно глянув в мою сторону, не выдержала, и я услышал от нее первое слово:

– Клоун!

Но я молниеносно отбил ее обвинение, обернувшись на вламывающегося в туалет «председателя»:

– А что? Очень даже может быть! – потом снова повернувшись к ней: – Вам видней, вы к нему всех ближе сидите!

Она вообще задохнулась от возмущения, и лицо ее пошло уже белыми пятнами. Пытаясь разрядить возникшее напряжение, я как можно непринужденнее произнес:

– Я тоже считаю, что нам уже давно пора познакомиться. Разрешите представиться: Андре. А как вас зовут?

Она взглянула на меня с нескрываемым превосходством и выпалила:

– С клоунами не знакомлюсь!

Мне ничего не оставалось сделать, как, вылупив глаза, удивиться:

– Какое странное и длинное имя: «Склоунаминезнакомлюсь» ... – Она прекрасно все поняла и зло прошипела:

– Ваши уста недостойны даже произносить мое имя!

– Ну, это вы зря! – внутри меня боролись две сущности, и наглый авантюрист, всегда прущий напропалую, побеждал скромного и рассудительного реалиста-перестраховщика. Поэтому я решил продолжать почти проигранный бой, пусть даже все закончится скандалом и меня вышвырнут из автобуса. И я продолжил:

– Я ведь по своей натуре добрейший и положительнейший человек. И по многолетним наблюдениям ученых, имею некую ауру миротворчества, успокоения и радости. Даже простое повторение мною несколько раз имени выбранного человека может изменить судьбу одного к лучшему и к тому же помочь выздороветь при некоторых трудноизлечимых болезнях и нервных расстройствах.

Девушка с убийственным видом закатила глаза и с полнейшим сарказмом спросила:

– Да вы хоть понимаете, какую чушь несете?!

– Недавно, например, – я совершенно проигнорировал ее недоброжелательный вопрос, – был проведен очередной эксперимент при моем участии. В большой комнате были собраны несколько самых буйных шизофреников, которых ранее невозможно было утихомирить даже самыми сильными лекарствами. И всего за час моего с ними общения был достигнут поразительный эффект: больные находились в спокойном состоянии еще трое суток после этого и, заметьте, без применения медицинских препаратов!

– Я себе представляю! – моя попутчица грустно закивала головой и даже вздрогнула, поежившись. – Чего за час они, бедненькие, натерпелись! А потом еще трое суток (!) не могли прийти в себя или, попросту говоря, впали в каталепсию. Как вообще могли пойти врачи на такой бесчеловечный опыт?

Внутренне – от всей души я ей заплодировал, но внешне – сделал вид, что обиделся:

– Ну, зачем вы так? Выводы очень авторитетных медиков были весьма лестны и положительны.

– А обслуживающий медперсонал был в той большой комнате? – неожиданно спросила она.

– В этом не было необходимости! – последовал мой гордый ответ.

– Я так и предполагала! – с сожалением вздохнула девушка. – Наверняка даже санитары взбесились бы.

– Отчего это вдруг?

– Да только от одного вашего присутствия! – она произнесла это сквозь сжатые зубы, с едкостью выделяя каждое слово. – За то время, что я вас вижу, у меня, вполне здорового человека, появилось полное понимание кровожадных маньяков, которые кромсают свои жертвы ножами, топорами и еще бог знает чем, мстя им, скорее всего, за нудотную надоедливость и тупоумие.

– Точно! Как похоже! – обрадованно затараторил я, хлопнув себя ладонью по лбу. – Я вспомнил! Точно такую же фразу говорила героиня последнего приключенческого сериала «Человек с улицы».

Она ошарашенно замотала головой, прикрыв глаза, и я пояснил:

– Ну, в последней, пятой серии под названием «Снова на улицу!». Вы и голосом, и интонацией, и даже выражением лица очень удачно скопировали актрису, играющую роль соседки.

Она опять грустно вздохнула и стала рассматривать меня так, как обычно женщины смотрят на гору грязного белья, в которой копошатся мыши. Потом чуть нагнулась над проходом ко мне и спросила:

– Вас, наверное, невозможно обидеть?

– Да уж! – я скромно опустил ресницы. – Почти...

– Бога ради! – она оживилась, и на ее лице появилось умоляющее выражение. – Скажите как?!

– Ну... не знаю даже... – засомневался я. – Стоит ли такие вещи рассказывать незнакомой женщине.

– Стоит, стоит, голубчик! – стала убеждать она. – Будь добр, расскажи! Ты ведь сам говорил: нет тебя добрее...

– Ну, разве что... – пришлось согласиться мне с явной неохотой. – Обидеть меня можно только в одном случае... – я сделал многозначительную паузу и продолжил, чуть ли не шепотом: – Это когда женщина будет со мной заниматься любовью и не подарит при этом, и ни до, и ни после, ни одного поцелуя...

Она возмущенно отпрянула от меня и, шумно выдохнув, громко протянула:

– Какое хамье! Ка-а-кое ха-амье! М-м-м!

Мне оставалось только закивать головой и утвердительно поддакнуть:

– Да, да! Как ни прискорбно, но, увы! Встречаются в этом прекрасном и любвеобильном мире и такие вот женщины, в которых живет только инстинкт самки, и нет у них даже малейшей тяги к чему-нибудь светлому и прекрасному.

– Боже ж ты мой боже! – она повернулась ко мне, глядя расширенными от очумения глазами. А мне уже было все равно. Самодовольно поправив воротничок моей рубашки, я радостно улыбнулся и гордо произнес, соглашаясь:

– Да! Есть во мне что-то божественное! Вот и вчера тоже какая-то бабулька в метро так ко мне и обратилась: «Господи! – Говорит. – Куда ж ты прешься?»

– Как, как обратилась? – в ее глазах появились веселые искорки, а уголки губ дернулись вверх от сдерживаемой улыбки. Я снова напыщенно повторил бабкино ко мне обращение.

И случилось чудо: девушка засмеялась. Звонко, радостно, с каким-то внутренним облегчением. Не обращая внимания ни на меня, ни на оборачивающихся на нас и вновь улыбающихся пассажиров, ни на подошедшего полтавчанина, который как-то робко топтался возле нас в проходе, словно не решаясь прервать этот завораживающий женский смех своим неуместным возвращением. Я взглянул на него снизу вверх, с сомнением почесал себя по скуле и пожал в недоумении плечами. В ответ председатель поднял восхищенно брови, многозначительно вытянул губы бантиком и незаметно показал большой палец. Это придало мне еще большей уверенности: все-таки есть болельщики и у моей команды.

Наконец-то девушка заметила своего соседа и, прекратив смех, но, продолжая улыбаться, стала вставать. Я уже заранее предвкушал возможность снова оценить ее прелестную фигурку и даже приготовился неким причмокиванием выразить свое по этому поводу восхищение, но произошло неожиданное. Она, вместо того, чтобы пропустить полтавчанина, бесцеремонно пересела на его место, к окну. Тот вроде даже как опешил:

– Но там мое место!

– Воспитанные люди, – красавица согнала со своего лица улыбку и смотрела как надсмотрщица в колонии для малолетних, – всегда готовы уступить место девушке. Разве не так?

– Да, конечно... Но... – растерялся председатель. – Над этим сиденьем не горит лампочка, и мне будет плохо читать журнал.

– Нет проблем! – я успел встрять в разговор. – Если вас, уважаемый, устроит, можете сесть на мое место. Смотрите, какое здесь чудесное освещение, – и несколько раз щелкнул выключателем над моей головой. – А я для доброго дела готов хоть в темноте сидеть.

– Вам не кажется, – язвительно опередила девушка уже готового согласиться полтавчанина, – что ваша доброта беспредельна?

– Нет, не кажется! – последовал мой твердый ответ. – Я просто в этом уверен!

– А я уверена в обратном! – выпалила она и с угрозой обратилась к все еще стоящему в проходе председателю: – Если он (она показала пальчиком в мою сторону) здесь усядется, я буду визжать на весь автобус!

А тот, видимо, больше всего в жизни боялся женского визга, так как со смиренным видом сразу же уселся в кресло. Мы с ним сочувственно переглянулись и почти одновременно скорбно вздохнули. Я мысленно констатировал: «Да! Нелегко знакомиться с красивыми девушками, но втройне труднее, если они вдобавок еще и умные. Какая-нибудь глупышка уже бы давно хихикала и упивалась моими комплиментами. А эта! Хотя, возможно, я и не прав. Может, надо было говорить только серьезно и не молоть разную чепуху, которая придет в голову. А что ж теперь делать?» Я увидел, что девушка откинула спинку кресла и явно собралась поспать. Да и между нами находился сочувствующий, но все-таки мешающий общению полтавчанин.

И тут водитель объявил двадцатиминутную остановку. Автобус уже въезжал на автостанцию с большим залом ожидания, магазином, баром и даже рестораном. И везде светились фирменные вывески «Альса» автобусной компании, на транспорте которой мы путешествовали.

Полтавчанин первым оказался у дверей, ожидая их открытия. Стала приподниматься и девушка. Пытаясь не упустить появившуюся возможность продолжить наш разговор, я молниеносно оказался в проходе раньше ее, а видя, что она встала сзади, спросил:

– Вы курите? Могу угостить хорошей сигаретой «Пьер Карден» с ментолом. В Испании они большая редкость.

– Спасибо, не курю! – она произнесла это, почти не разжимая губ и глядя на меня так, как будто я был призрак.

Тем временем я первым вышел из автобуса и подал руку спускающейся за мной девушке. Она совершенно проигнорировала мой жест и с гордым видом прошла мимо. Я услышал смешок и увидел в трех метрах председателя, который с веселой улыбкой попыхивал сигаретой. Заметив, что я явно падаю духом, он меня поддержал:

– Чего стоишь? Догоняй!

И я, взбодренный, бросился вслед за красавицей. Обогнал ее и услужливо открыл одну из створок входной двери. И тут она снова сделала вид, что не замечает услуг, мной предлагаемых.

Сама открыла другую половинку и направилась к стойке бара. Но я и здесь ее обогнал, а лишь только она подошла и хотела что-то сказать, громко спросил:

– Что будем пить? Чай, кофе, кофе с молоком?

– Кофе с молоком! – она сказала это, глядя исключительно на бармена, но тот из-за моей предыдущей фразы решил, что мы вместе, и вопросительно посмотрел на меня. А я не растерялся:

– Два кофе с молоком и два круассана!

Она сдвинула брови и металлическим голосом произнесла, продолжая глядеть только на бармена:

– Я хочу только кофе!

– Да, конечно! – я умоляюще выставил ладони вперед. – Я сам съем обе булочки.

Официант сразу же обернулся к аппарату делать кофе и не видел того испепеляющего взгляда, которым одарила и его, и меня моя попутчица. Видно было, с каким трудом она сдержала себя от готовых сорваться с ее уст, возможно даже, ругательств. Она сердито взобралась на высокий стул, а я бесцеремонно уселся рядом.

И хотел было что-нибудь сказать, как вовремя замер на полуслове, рассмотрев, что она набрала в грудь побольше воздуха и, возможно, собирается визжать. Хотя я и не боялся подобного, но всегда считал: если можно этого избежать, то лучше не провоцировать. Мы так и замерли оба: девушка – ожидая моего первого слова, а я – сжав намертво губы, но готовый в любой момент закрыть руками свои уши. Бармен поставил на стойку перед нами кофе и круас-

саны и удивленно переводил взгляд с меня на нее и обратно. Я боялся даже поблагодарить и поэтому тихонечко взял свою чашку, круассан и стал пить горячую жидкость и откусывать булку большими кусками. Девушка медленно поднесла свой кофе к губам и замерла, оценивающе рассматривая мои белые отутюженные шорты. У меня внутри все сжалось от нехорошего предположения: «А ведь может и плеснуть! Кажется, я и в самом деле перегнул палку со своим знакомством!»

Но ее трепетные ноздри уловили приятный аромат – и ей перехотелось делать новый заказ, она стала пить. Я чуть не подавился от облегчения и закашлялся, прочищая гортань от попавшей крошки. Она посмотрела мне в глаза безжалостно и немилосердно и изрекла:

– Наказание всегда неминуемо! – потом скривилась и поставила полупустую чашку на блюдце. – Я даже не получаю удовольствия от выпитого кофе! – соскочив со стула, с независимым видом достала из кармана брюк банкноту в пять евро и небрежно бросила на стойку: – Сдачи не надо! – и пошла в сторону туалетов.

Я с таким вождением смотрел на ее вихляющую попку, что даже вздрогнул от обращенного ко мне вопроса:

– Поссорились?

Бармен был очень заинтересован увиденной им сценой и пытался отгадать ее подоплеку. Я решил подыграть. Пусть думает, что он отличный психолог и всегда прекрасно оценивает сложившуюся ситуацию. Тем более что вижу я его в первый и наверняка в последний раз в моей жизни. Мне-то все равно, а ему будет приятно убедиться в своей догадливости.

– Видите ли, – я говорил самым доверительным тоном, на какой был способен. – Жена сейчас находится в некоем состоянии... – я выразительным жестом округлил свой живот. – И ее все раздражает, нервирует. А тут еще и дорога, укачивает вдобавок.

– Да, да, да! – сочувственно закивал бармен головой. – Бедняжка! У меня самого трое детей, и прекрасно знаю, как все бывает. Очень, очень вас понимаю! – если бы я только мог представить, во что мне выльется его чрезмерная понятливость. Он тем временем положил сдачу на блюдце, но я, понимая, что деньги не мои, да еще и сам выпил кофе и поел булок за чужой счет, укорил:

– Я всегда все делаю, как скажет моя жена. Я ее слишком люблю и никогда не ставлю ее действия под сомнения. Спасибо, всего хорошего! – и тоже отправился облегчиться.

– И вам спасибо! До свидания! – раздалось мне вслед со стороны стойки.

Вернувшись в автобус, я обнаружил, что полтавчанин находится на своем прежнем месте у окна и дремлет. Услышав мои движения, приоткрыл один глаз, потом открыл оба. Заговорщически мне подмигнул и снова сделал вид, что засыпает. Я улыбнулся, но и забеспокоился одновременно: вроде бы все пассажиры были на местах, а красotka все еще отсутствовала. Но вот и она появилась, остановилась возле меня и с нескрываемым осуждением уставилась на притворяющегося соседа. Пришлось за него заступиться:

– Устал человек. Все-таки глубокая ночь.

Она ответила мне презрительным молчанием и шумно уселась на свободное место.

И тут в автобус ввалился запыхавшийся бармен, у которого мы пили кофе. Сказав недоумевающему водителю: «Я буквально на две секунды!», осмотрел салон, увидел меня и девушку и, радостно махнув рукой, направился прямо к нам. С собой он имел белую бутылку из-под молока, которую сразу же сунул в руки ничего не понимающей красавицы.

– Здесь чай, настоящий на специальных травах, – стал он ей объяснять заговорщическим шепотом. – Очень успокаивает нервную систему, особенно при беременности. Моя жена всегда брала его с собой в дорогу. Удачного вам пути и... – он взглянул в мою сторону. – Желаю, чтобы ваш муж любил вас всегда так же сильно и преданно, как сейчас. Прощайте!

И тут же выскочил из автобуса, который сразу тронулся в дальнейший путь.

С первых же его фраз я пришел в неописуемый ужас, и мне стало невыносимо жарко от редко испытываемого мною невероятного стыда. Только и мелькнуло в голове: «Сейчас весь этот чай будет на мне!» Ничего не оставалось, как крепко зажмурить глаза и, затаив дыхание, ждать неминуемого.

Но прошло пять, еще десять минут, а ничего не происходило. Только слышался успокаивающий гул мотора уже выехавшего на автомагистраль автобуса, да негромкие разговоры бодрствующих пассажиров.

Я выждал на всякий случай еще какое-то время и, чуть приоткрыв глаза, скосил их в сторону девушки. Она полулежала, сомкнув веки, и было трудно рассмотреть: спит она или притворяется. Весь вид ее был таким умиленно-трогательным, прекрасным и беззащитным, что я почувствовал еще большие угрызения совести, и мне захотелось тут же извиниться за свое, мягко говоря, не совсем корректное поведение. И просто объяснить, что она мне очень и очень нравится и от ее красоты я, совершенно отупев, веду себя, как мальчишка.

Я уже даже собрался было ее окликнуть, но вовремя остановился. А если она действительно спит? Тяжело и громко вздохнув, я принялся снова, на этот раз терпеливо, ждать, пока она откроет свои прекрасные глаза и посмотрит в мою сторону. И ждал я долго. Так долго, что даже не заметил, как уснул. И проснулся только от нового объявления водителя:

– Бургос! Стоянка двадцать пять минут! – автобус как раз подъезжал к автостанции, расположенной возле древней живописной крепости почти в самом центре города. Я вздрогнул, выходя из сна, протер глаза и повернулся к девушке. Та пила чай! Прямо из принесенной барменом бутылки, отхлебывая маленькими глоточками и блаженно полуприкрыв глаза. Заметив мое бодрствование, мило улыбнулась и сказала:

– Доброе утро! Как спалось?

Я даже растерялся от такой доброжелательности:

– Могло бы быть и лучше. И вам... доброе утро! – заметив, что многие пассажиры встают и берут свои вещи с собой, я забеспокоился: – А вы выходите?

– Нет! – последовал охотный ответ. – Еду до самого Сантьяго.

– Как здорово! – не удержался я. Настроение мое моментально улучшилось, остатки сна как рукой сняло, а в голове зароились десятки вопросов, которые я приготовился задать, и сотни смешных анекдотов, могущие ей понравиться за предстоящие еще полтора часа путешествия до конечной остановки. Но девушка меня опередила и первой задала вопрос, совершенно для меня неожиданный:

– А почему вы сразу не сказали, что работаете врачом?

– Я? А-а... – я не знал, что ответить. – А... с чего вы так решили?

– Ну, ведь только врач может сразу заметить токсикоз, преследующий женщину в первые месяцы беременности. – Она говорила доверительно и просто, будто и в самом деле находилась на приеме у врача. – Мама моего мужа предупреждала о возможности усиления неприятных ощущений во время пути и тоже советовала взять нечто подобное. – Она потрясла уже наполовину пустой бутылкой. – Зря я не послушалась.

– Да... конечно, – промямлил я с кислым выражением на лице, которое не сумел бы скрыть, даже если бы очень захотел. Настроение, да и все самочувствие в момент упали и стали ниже, пожалуй, самой рекордной черты в моей жизни. Я так огорчился, что даже не сразу понял смысл заданного мне вопроса:

– Угостите сигареткой? Да и прогуляться стоит, у меня все тело ломит от этого твердого сиденья. – Она уже стояла в проходе, и мимо нее быстро прошмыгнул заспанный полтавчанин. К тому же слева меня тронула за локоть забытая мною, но еще живая старушенция, прося пропустить и ее прогуляться.

– Конечно, угощу... – согласился я вялым голосом и отправился вслед за девушкой по проходу. А та, дойдя до водителя, пропустила меня первого к двери. Я сошел по ступенькам

и чудом вспомнил, что надо повернуться и подать даме руку. Она оперлась на нее кокетливо и чуть не заигрывая. Желая хоть как-то отомстить ей за мои расстроенные чувства, я подал руку и спускающейся сразу за ней блондинке бабушке. Но это девушку нисколько не задело, она продолжала весело щебетать:

– Как вы думаете, мне не сильно повредит курение? Мой муж категорически настаивает на том, что б я не курила вообще. Но я курю не так уж и много: четыре-пять штук в день. И к тому же стараюсь, что б он не видел. – Она прикурила от зажженной мною зажигалки и сделала небольшую затяжку. – О! Действительно очень приятный дымок и не крепкие к тому же эти ваши сигареты.

– Да! Как раз для беременных, – согласился я скорбным тоном.

– Это у меня первая беременность. – Продолжала девушка, взяв у меня пачку и разглядывая надписи. Потом спросила самым доброжелательным тоном: – А у вас есть дети?

– Откуда же они у меня возьмутся? – попытался сострить я. – Если все никак не удастся познакомиться с незамужней девушкой.

– Но ведь вы еще такой молодой, у вас все впереди! – утешила она меня и вдруг показала рукой в сторону магазина внутри автовокзала: – Ой! Какие кофточки в витрине! Пойду гляну на цены. Не хотите ли со мной пойти посмотреть?

– Э-э... Мне... – замялся я, представляя себе, как глупо буду выглядеть возле нее, рассматривающей какие-то тряпочки. – Мне надо туда! – и показал в сторону туалетов.

– А! Ну, тогда до скорого! – беззаботно сказала красавица и упорхнула к намеченной цели. Я отбросил опротивевшую почему-то сигарету и уныло побрел в другую сторону. Мне совсем туда не хотелось, но что делать? Зашел на минутку, а потом отправился к бару, заказал чай с ромашкой и загрустил. «Какая классная девчонка! И уже замужем! Ну, естественно, таких разбирают моментально! А таким лопухам, как я, достаются остатки в виде энергичных толстушек или престарелых блондинок. И почему мне так не везет? Скорей всего, до конца дней своих так и останусь холостяком! Хотя... Если посмотреть на все философски... Может, оно и к лучшему? Свобода все-таки намного дороже. К чему мне связывать себя какими-то путями обязательств и обязанностей? Ведь я еще молод, а впереди целая жизнь!»

Теша себя этими оптимистическими размышлениями, я отправился в автобус, так и оставив чай нетронутым. Моя попутчица слева уже устроилась возле окна и бодро попивала кока-колу из баночки.

– Как дела, молодой человек? – встретила она меня вопросом.

Я, хоть и удивился, ответил вежливо-печально:

– Ничего хорошего, – и добавил: – К сожалению.

– А что так? – сочувственно заулыбалась старушка.

– Да вот, – я вздохнул и кивнул головой в сторону пустующих пока еще кресел справа. – И замужем, и беременна...

Моя соседка заулыбалась еще больше и добрым материнским голосом, как бы в раздумье, произнесла:

– Вы ей тоже понравились, я заметила. Но учтите: не всегда можно полностью доверять незнакомым девушкам. Возможно, она просто хочет проверить вашу настойчивость.

Я удивленно на нее воззрился:

– В каком смысле не доверять?

– Ну, – загадочно зашептала бабушка. – Насколько я знаю, красотка не замужем и уж никак не беременна.

Каким милым и душевным показалось в тот же миг лицо моей соседки, обрамленное крашеными, но такими симпатичными локонами. Я все-таки переспросил с некими нотками сомнения:

– У вас точная информация?

– Могу за нее поручиться! – она поощрительно хлопнула меня по коленке и, показав глазами на вход, стала увлеченно перелистывать, видно, только что купленный журнал. А в автобус входили возвращающиеся с прогулки пассажиры. Первым занял свое место полтавчанин, произнеся короткое «Привет». Потом показалась и девушка. Я принял снова как можно более расстроенный и равнодушный вид, но внутри напрягся и тщательнейшим образом следил за каждым ее движением. Она бросила на меня оценивающий взгляд и, видимо, осталась довольна осмотром, так как губы ее тронула едва заметная самодовольная улыбка. Ну, еще бы! Ведь она так ловко отшила незадачливого ухажера и пока еще совершенно не подозревала о моем желании как можно лучше использовать сведения, полученные от новообетенных мною болельщиков. Когда она уселась, я, показывая, что интересуюсь только из обычной вежливости, спросил:

– Ну и как кофточки, подходящие?

– Да не особенно. Издалека они выглядели более симпатичными, – сказано это было тоном, заканчивающим разговор, и она даже хотела отвернуться к окну, но я продолжал:

– Вы, наверное, уже начинаете подбирать гардероб для того времени, когда теперь носимые вами вещи окажутся тесноватыми?

– Ну... вроде как... – видно было, что она не знает, как прервать наш диалог.

– Я тоже всегда советую всем женщинам, у меня консультирующимся, делать подобные приобретения в более ранний период беременности. И не откладывать этот вопрос на потом, когда уже довольно тяжело много двигаться, а тем более метаться по магазинам в поисках подходящей одежды. – Глаза ее округлились от удивления:

– А вы что, действительно врач?

– Но вы же сами догадались! – чистосердечно удивился и я, глядя ей в глаза. А потом снова продолжил деловым тоном профессионала: – На улице Гойи, в Мадриде, есть прекрасный специализированный магазин. Вы, кстати, там уже побывали?

– Нет, – видно было, что девушка чувствовала себя неловко и даже быстро оглянулась на председателя. Тот с открытым ртом старался расслышать каждое наше слово, и мне почему-то показалась весьма странной подобная заинтересованность.

– А зря! – я поднял вверх указательный палец. – Там огромный выбор любой одежды и необходимых аксессуаров. Обязательно рекомендую посетить, ручаюсь – вы не пожалеете, – честно говоря, я ни разу в своей жизни не заходил даже в подобные магазины, но про этот знал по вывеске и витринам, которые видел почти каждый день. – И не помешало бы вам проконсультроваться со своим врачом, у которого вы стоите на учете. Он вам даст самый подробный список предметов, необходимых как в до-, так и в послеродовой период. В каком районе вы живете? И как фамилия вашего врача? Я ведь знаю многих, – похвастался я. – Если почти не всех! – и выжидательно уставился на почему-то еще более засмущавшуюся красотку.

– Я как-то не запомнила... – залепетала она бессвязно. – Какая-то женщина... в очках...

– А какая клиника? – снова переспросил я. Она назвала улицу, и я тут же радостно хлопнул ладонями и стал сочинять напропалую: – Так там же Дороти работает! Такая высокая, огромная женщина в очках, она еще немного шепелявит?! – заметив ее неуверенный кивок, разыграл новый прилив радости: – Точно! Вот так совпадение! Мы у нее с однокурсниками были на практике. До чего ж чудесная женщина! Хоть кричит громко и часто ругается, но внутри душа-человек. Она нам, помню, из дому частенько приносила чего-нибудь вкусненького и часто подкармливала. Ведь знаете, как у студентов: вечно денег не хватает, – и я, не останавливаясь, выдал несколько историй из студенческой жизни, удачно вставив туда пару анекдотов.

Девушка растерянно выслушала мой рассказ и явно не знала, что ответить, зато полтавчанин неожиданно задвигал удивленно бровями и спросил слащаво-ехидным голосом:

– Вы уж извините, ради бога, что я вас к окну не пустил. Хотите сесть на мое место? Уже рассветает, и вам будет здесь удобнее рассматривать проносящиеся пейзажи. А?

– Нет уж, спасибо! – ответила она раздраженно. – Я здесь часто ездила раньше, и мне все здесь знакомо.

– А вы в отпуск? – удалось вовремя вставить мне. – Или по делам: личным, служебным?

– В отпуск... – вырвалось у девушки. Потом вздохнула и добавила: – Хочу побыть на свежем воздухе и поплавать.

– Насчет купаний не сильно-то увлекайтесь! – я снова перешел на профессиональный тон. – А вот свежий воздух вам крайне необходим. Вы заметили, какой у вас на коже лица неприятный оттенок? – видя, что она недоверчиво покрутила головой, но при этом все-таки непроизвольно провела себя ладонью по щеке, попытался успокоить: – Не волнуйтесь, это у всех такое происходит в мадридском смоге. Миллионы машин, фабрик и заводов – все это очень отрицательно сказывается на нежной коже лица беременных женщин. Особенно в первые месяцы. Какой, кстати, у вас уже срок?

Неожиданно красавица, вместо того что бы и дальше продолжать растерянно отвечать на вопросы, перешла к наступательной тактике, возможно, догадываясь, что я ее раскусил.

– Вы, конечно, извините, но мне нисколько не хочется разговаривать на мои сугубо личные темы с совершенно чужим и незнакомым человеком. К тому же я могла ошибиться, приняв за доктора обыкновенного работника какого-нибудь цирка. У вас есть с собой диплом? И в какой клинике вы работаете?

Я гордо поднял подбородок, показывая, как чужды мне обиды в ответ на беспочвенные обвинения. К счастью, я знал одну клинику подобного профиля и с большим апломбом назвал ее адрес, добавляя при этом:

– У нас самое лучшее и современное оборудование и если бы вы хоть раз решили посетить нас, никогда бы больше не обращались в другое место. А какой отличный у нас медперсонал!

– Представляю себе! – она скептически оглядела меня с ног до головы.

– Высокий профессионализм, – с пафосом продолжал я, не обращая внимания на ее реплику. – И самые новейшие методы лечения и диагностики позволяют нам по праву входить в десятку самых лучших клиник страны. И вы сеньора... э-э... извините, забыл ваше имя... – как я все-таки хотел это узнать. Но она была начеку и не давала сбить себя с толку:

– Мой муж запрещает мне знакомиться с кем попало, и я с ним полностью согласна.

Я печально вздохнул и констатировал с сожалением:

– Наверняка ваш муж очень старый и очень некрасивый.

– С чего это вы взяли? – она недоуменно приподняла брови.

– Потому, как он слишком боится, что вы познакомитесь с молодым, – я распрямил плечи. – Красивым, – я поднял голову и повернул лицо в профиль. – И талантливым мужчиной, а его бросите, – потом выразительно взглянул на ее животик. – Даже несмотря на ваше пикантное положение.

Она хотела ответить мне какой-то колкостью, но ей пришлось в недоумении обернуться на захлебнувшегося от смеха полтавчанина. Он, видно, уже давно сдерживался, но оставаться и дальше серьезным было выше его сил. Он согнулся, закрыл лицо руками, и со стороны могло показаться, что он всхлипывает. Момент для ответа был девушкой утерян, а я громко высказал новое предположение:

– И он наверняка очень богатый! – Она сердито повернулась ко мне, но я успел спросить: – Как же иначе такая очаровательная и прекраснейшая молодая женщина смогла бы жить с таким старым уродом? – и резюмировал: – Только за деньги! За очень и очень большие деньги!

Тут уже председатель заржал во весь голос. И снова все пассажиры, которые остались в автобусе ехать до Сантьяго, обернулись в нашу сторону. И снова милое личико девушки, которая упорно не хотела со мной знакомиться, от гнева пошло красными пятнами.

А я продолжал делано-сочувственно покачивать головой, всем своим видом показывая, как мне жалко, что такая красивая и молодая вынуждена жить с кем попало, лишь бы обеспечить себе безбедное существование. В душе я одновременно и жалел эту обворожительную и манящую к себе девушку, и немного злорадствовал. Пусть, мол, знает, как отвергать попытки такого мужчины, как я, познакомиться и приятно провести время в дороге, болтая непринужденно о всякой всячине. Завралась насчет своего замужества и беременности, естественно, тоже, пусть теперь выкручивается. Жаль только, времени осталось маловато. Боюсь, не успею перевести нашу острую перепалку в более спокойное русло и на темы, меня больше интересующие.

Ибо автобус уже въехал на улицы Сантьяго. Промчался по новопостроенному району, потом мимо нескольких величественных соборов и нырнул в огромное, крытое здание автовокзала. Все пассажиры зашевелились, готовясь к выходу. Только красавица сидела не в настроении, с умильно надутыми губками и кидала в мою сторону взгляды, от которых мне становилось то холодно, то жарко. Она порывалась каждый раз что-то сказать, но каждый раз раздумывала и резко отворачивала голову.

А я про себя решил: во что бы то ни стало обязательно помочь ей с багажом. Это наверняка будет моя последняя и единственная возможность получить от нее хотя бы один благодарный взгляд. Ну и, если очень повезет, может, узнаю все-таки ее имя. На большее, естественно, после наших «душевных» разговоров рассчитывать было глупо. Даже при моей буйной фантазии.

Поэтому я одним из первых выскочил из автобуса, достал свою сумку, а рюкзачок удобно пристроил за спину. А вот появилась и сама красавица. Увидев меня, скривила свои прекрасные губки и стала высматривать багаж среди нескольких оставшихся сумок. Ее рука потянулась за одной из них, большой, с поперечными красными полосками. Я тут же ринулся на помощь и успел взять ее вещи раньше нее.

– Разрешите вам помочь? – и, доставая неожиданно очень тяжелую сумку, задел затылком за верхний край багажного отделения и даже присел от полученного удара.

– Ой-е-ей! Как больно! – запричитал я жалобно, одновременно другой рукой потирая ушибленное место.

– Не стоило так беспокоиться! – безжалостно констатировала девушка. – Я не просила вас о помощи!

– Если бы я был вашим мужем, – стал я возражать, – я бы всегда одобрил поведение настоящего джентльмена, желающего вам помочь. Тем более, вам категорически нельзя носить подобные тяжести.

Полтавчанин-председатель, который уже взял свои две сумки, радостно загигикал и направился к лестнице, ведущей на выход. Красавица зло и обиженно посмотрела ему вслед, а потом повернулась ко мне:

– Сумка вообще-то тяжелая, сомневаюсь, что вы ее донесете. Но! Если уж вам так хочется – несите! – и гордо развернувшись, величественно пошла к выходу. Я подхватил и свою кладь, которая тоже весила немало, и устремился за ней. Мы поднялись по лестнице на верхний уровень, пересекли зал ожидания и холл и вышли на площадь, сплошь уставленную припаркованными автомобилями. Девушка уверенным и быстрым шагом направилась к самому дальнему концу стоянки. А я, несмотря на утреннюю свежесть, от заданного ею темпа, мягко говоря, совсем разгорячился и к тому же все никак не мог ее догнать и перекинуться хоть одним словечком.

Багажник белого «Рено» был поднят высоко вверх, и туда укладывал свои вещи наш веселый попутчик. Девушка подошла прямо к нему и спросила сухим официальным тоном:

– Не могли бы вы меня подвезти? – при этом она глядела куда-то далеко в сторону.

– Для меня это не составит особого труда, – церемонно ответил полтавчанин, беря из моей руки ее тяжеленную сумку. При этом он мне хитро подмигнул и сказал, улыбаясь: – Но хочу заметить, мы уже не в автобусе.

– Где ты вел себя совершенно безобразно! – сердито ответила девушка и, усевшись на переднее пассажирское сиденье, громко захлопнула за собой дверцу автомобиля.

Я ахнул про себя, приходя в неопиcуемый ужас: «Неужели это и есть ее муж?!» Видя мое растерянное и ошарашенное лицо, мой попутчик по автобусному путешествию радостно заулыбался и, хлопнув меня по плечу, протянул руку для знакомства:

– Меня зовут Фернандо! И если меня не обманывает моя жена, то я отец этой красавицы, – при этом он большим пальцем левой руки показал себе за спину, на девушку, сидящую в машине.

У меня сразу же отлегло от сердца, и я попытался возобновить свое спертое дыхание:

– У вас самая прекрасная и очаровательная дочь в мире!

– Полностью с вами согласен... э... вы забыли представиться!

– Извините... Меня зовут Андре! – я пожал протянутую руку.

– Рад познакомиться! Вы нам очень понравились, – заверил он меня.

– А почему ж вы так в автобусе?.. – недоуменно спросил я, доставая сигареты и угощая Фернандо.

– Уговор такой был, – ответил тот, закрывая багажник и прикуривая от моей зажигалки. – Моя доча считает, что я вечно веду себя очень шумно и непосредственно и что ее якобы это компрометирует и выставляет в неверном свете.

– Ну что вы! – заверил я его от всей души. – Веселые люди – это самые лучшие люди в мире!

– Так и я ей все время это твержу! – обрадовался он, а потом спросил: – А вы, Андре, сюда в отпуск или как?

– Да я не в Сантьяго. Через час у меня автобус в Ною, а оттуда уже буду добираться в Портосин. Там меня товарищи ждут. Будем жить на кемпинге.

Глаза моего собеседника от удивления полезли на лоб:

– Ну, надо же! Какое совпадение! И мы едем в Портосин! Я ведь оттуда родом, и у меня там старый дом.

– Ой, как здорово, – восхитился я. – Жить возле самого моря!

– Так давайте подъедете с нами! – неожиданно предложил Фернандо. – И про поселок расскажу, и в дороге веселей будет!

Сердце мое радостно забилося от появившейся возможности, почти невероятной, продолжить знакомство с его дочерью-красоткой. Но я ведь не забыл о ее ко мне отношении. Поэтому в сомнении показал глазами в салон авто, а потом выразительно схватил себя пальцами за горло. Он проследил за моим взглядом в сторону дочери, своим удивленным лицом как бы спрашивая: «Она-то?», а вслух сказал:

– Да она добрейший человек! – и убедительно добавил: – Даю гарантию, что у вас есть шанс доехать с нами в Портосин без смертельных повреждений.

– Если есть хоть малейший шанс... – я чуть задумался в нерешительности. – То я согласен рискнуть.

– Ну, вот и прекрасно! – Фернандо открыл багажник, и мы ловко впихнули туда мою сумку. Рюкзак бросили через спинку на заднее сиденье, куда через секунду уселся и я. Девушка повернулась и открыла глаза с демонстративным возмущением.

– Карлота! (Наконец-то я узнал, как ее зовут). Ты уже познакомилась с молодым человеком? – спросил ее отец, шумно усаживаясь на водительское место и вставляя ключ зажигания. – Он милостиво согласился нас проводить до дому и помочь с выгрузкой багажа.

– Это он-то молодой?! – фыркнула его дочь. – Папа! Да ведь он старше тебя!

Мы с ним оба радостно переглянулись и одновременно засмеялись. Потом Фернандо с гордостью сказал:

– Доча вся в меня! Никогда не ошибается в хорошем человеке!

Я хотел добавить: «И может ударить, не прикасаясь!» – но вовремя сдержался. И так уже много наговорил колкостей.

– А я что хочу предложить, Андре! – продолжал он, заведя машину и выезжая со стоянки. – Раз мы с вами одного возраста, то давайте перейдем на «ты». А? Так будет проще между старыми друзьями.

– С каких это пор вы стали старыми друзьями? – вставила вопрос его дочь.

– Да с самого детства! – уверенно ответил он. – Помнишь, Андре, как ты меня защищал от старших мальчишек, твоих ровесников?

– А, помню, помню, – поддакнул я, делая вид, что копаюсь в своей памяти. – Меня за это всегда били, зато маленький Фернандик успевал всегда убежать и спрятаться. И за это отдавал мне все свои конфеты.

Теперь мы уже засмеялись все втроем. Сквозь смех Фернандо проговорил: «С тех пор ты не любишь сладостей!» – и я в тон ему ответил: «А ты до сих пор по ним страдаешь!»

– Не страдает, а просто умирает без них, – захлебываясь от смеха, вставила Карлота, чем вызвала еще больший взрыв хохота.

Какой это был чудесный час! Карлоту было не узнать. Она веселилась от всей души, потешаясь над нашими шутками и розыгрышами, и даже сама часто вставляла очень уместные и веселые реплики и небольшие рассказы. Пока мы доехали до Портосина, я узнал о моих попутчиках в тысячу раз больше, чем за целую ночь поездки в автобусе.

Оказывается, они уже пару недель жили в своем старом доме возле моря, а в последние три дня ездили в Мадрид. У Фернандо там было важное дело, а его дочь решила набрать массу нужных вещей, ведь они собирались пробыть в Портосине еще почти месяц. А так как с машиной им возиться надоело, они посетили Мадрид в автобусе и так же вернулись обратно в Сантьяго.

Карлоту заинтересовало, откуда я узнал о ее мнимом замужестве, и я намекнул, что, мол, мне об этом рассказал один очень милый и добрый человек. На секунду задумавшись, она воскликнула:

– Ваша соседка! – и в сердцах, не зло, добавила: – Старая ведьма!

– Ну, зачем же так? – нравоучительно вмешался ее отец.

– А она что, тоже ваша родственница? – зная об осведомленности бабульки, я бы совершенно не удивился при положительном ответе.

– Да нет! – засмеялся Фернандо. – Просто на автовокзале, в Мадриде, она находилась рядом в тот момент, когда мы договаривались с Карлотой не мешать друг другу и вести себя как посторонние люди. И она прекрасно слышала каждое наше слово. А мы как раз говорили...

– Папа! – с укором перебила его дочь. – Я думаю, ты не собираешься рассказывать в деталях весь наш разговор?

– Да, да. Конечно! Хотя какие могут быть секреты между друзьями детства, – и мы оба согласно закивали головами. – Но, если в двух словах, – продолжал он. – То вполне можно было понять, что моя дочь не замужем, – и добавил: – Как ни странно...

– А в чем же, осмелюсь спросить, причина подобной странности? – я спросил это как можно более вежливым тоном, приготовив в уме ехидный и колкий ответ. Но Карлота меня переплюнула:

– Выйдешь тут замуж, – она печально вздохнула, сдерживая улыбку. – Когда кругом одни клоуны и врачи-самозванцы, – мы все от души посмеялись, и она задала прямой вопрос: – Вы ведь, признайтесь, совершенно далеки от медицины?

– Ну не совсем! – я прокашлялся, придавая своему голосу больше солидности. Конечно, я не собирался ничего рассказывать о своей работе – шеф всегда запрещал нам это категорически. Поэтому, хоть мне и хотелось похвастаться перед девушкой, на ходу сочинил несложную полуправдивую версию, из которой всегда можно было бы выкрутиться. Если встанет необходимость. – Буквально пару дней назад мы перевозили одну стоматологическую клинику в другое помещение, и мне пришлось быть в самом непосредственном контакте с новейшим медицинским оборудованием.

– Так вы работаете на перевозках? – в ее голосе было слышно разочарование.

– Поэтому я такой сильный, – при этом я похлопал себя по тугому бицепсу. – Такой ловкий и такой...

– Наглый и приставучий? – засмеялась Карлота.

– ... Общительный! – закончил я свою фразу.

– А чем занимаешься в свободное время? – спросил Фернандо, внимательно следя за дорогой. Мы уже въехали в Ною, которая прямо-таки кишела пешеходами и туристами.

– Пишу песни, – ответил я просто. Хоть это было и не единственное мое хобби.

– Частушки, что ли? – Карлота удивленно повернулась ко мне всем корпусом.

– Если бы я писал частушки, – обиделся я. – То так бы и сказал: частушки. А так я пишу принципиально другое.

– И что, о вас уже идет большая слава? – продолжала она ехидно допытываться.

– Пока мне достаточно хороших отзывов моих друзей и их желания слушать меня в любое время дня и ночи.

Карлота внимательно меня всего осмотрела и спросила:

– А где же ваша губная гармошка? В рюкзаке? Или вы поете без аккомпанемента? – и первая засмеялась. Ей стал вторить ее отец, и мне ничего не оставалось делать, как присоединиться. А про себя с восхищением подумал: «Да! Если она войдет в раж и начнет кого-нибудь подкалывать, то тому несдобровать. Хотя я, в принципе, согласен и на это, лишь бы больше побыть с ней! Лишь бы она хихикала!» Конечно, шутки по поводу моего творчества были мне неприятны, но с другой стороны, это был лишний повод доказать ей свою значимость и незаурядность. И, когда мы чуть успокоились, я ответил:

– Увы! Как это для вас ни прискорбно, нет у меня гармошки. Мои музыкальные инструменты: пианино и гитара. Как только представится возможность, я вам обязательно продемонстрирую свои способности. Кстати, мои друзья имеют гитару, специально ими купленную по случаю моего приезда. Поэтому я и не брал свою.

– Ну, надо же... – начала была девушка, но в этот момент ее отец так резко затормозил, что машина остановилась как вкопанная. Причиной тому послужил неожиданно выехавший из узкой улочки шикарный «Ровер», который нагло пытался проскочить, не уступив нам дорогу. В результате раздался звук небольшого удара от соприкосновения бамперов. Водитель «Ровера» остановился и выскочил из машины, угрожающе выкрикивая что-то в нашу сторону. Он был здоровый и лысый, но какой-то неопрятный и противный, всем своим видом смахивающий на спившегося самурая.

– Ты только взгляни, он еще и возмущается! – удивился Фернандо и тоже стал выходить из машины, сердито приговаривая: – Ну, ну! Сейчас, сейчас!

Я быстренько выскочил с другой стороны и бросился между сходящимися водителями. При этом я выставил подбородок вперед, сдвинул брови и зарычал на «самурая» низким голосом:

– Куда прешь, козел?!

Тот сразу остановился, а потом, осознав наше преимущество, попятился. С ненавистью посмотрев на нас исподлобья, юркнул в свою машину, пробурчав с угрозой:

– Ладно, еще встретимся! – и, газанув, помчался по дороге вперед. Мы, улыбаясь, вернулись в машину – наше настроение совершенно не было испорчено происшедшим мелким инцидентом.

– Как! – Карлота в ужасе всплеснула руками. – Неужели вас не побили? Очень странно! Вас же бьют с самого детства! Андре за то, что заступаете, тебя, папа, за то, что плохо прячешься. Видимо, вам сегодня крупно повезло.

– Это еще неизвестно, кому повезло! – задиристо ответил ее отец, трогая авто в дорогу. – Если бы Андре его не спугнул, он бы у меня попрыгал!

– Да ладно, не кипятись! – хоть мне было немного неудобно называть Фернандо на «ты» из-за нашей внушительной разницы в возрасте, но он был таким милым, общительным и веселым, что это было даже интересно. – Ты бы его еще ненароком зашиб, и кому б тогда фармацевты сбывали свои лекарства?

– Точно, Андре! Правда! – он согласно и радостно кивал головой. Тем временем мы проехали несколько извилистых поворотов среди холмов, густо поросших самыми разнообразными деревьями, и справа мелькнул огромный щит с названием кемпинга и всеми видами услуг, ему сопутствующих. – Это здесь ты собираешься жить? Других рядом вроде бы нет.

– Да я даже и не знаю, – ответил я, оглядываясь по сторонам. – Ребята ждут моего звонка часа через три, не меньше. Они работают до обеда, и я думаю, что мне их там будет найти гораздо легче. Немного подожду, а потом они покажут, где и как я буду размещаться.

– А что здесь делают ваши друзья? – с подтекстом спросила Карлота. – Подрабатывают акушерами-любителями?

– Очень смешно! – согласился я, смеясь вместе с ее папой. И ответил полу правдой: – Мои товарищи – специалисты по электронике и устанавливают системы сигнализации и обеспечения безопасности.

– Вот это солидная профессия! – в ее тоне слышалось одобрение. – А какие они: молодые, красивые? – и кивнула головой в мою и отца стороны: – Или как вы оба – пожилые?

Я закашлялся от возмущения, а Фернандо даже обиделся:

– Как тебе не стыдно, доча?! Ты ведь всегда говорила, что я самый молодой и красивый!

– Да! – вздохнула она. – Но это было раньше. Когда я еще не знала всех твоих друзей детства. Теперь, видя постаревшее лицо одного из них, все в морщинах и покрытое налетом наступившей старости, я прихожу к совершенно иному мнению.

Фернандо сочувственно на меня оглянулся:

– Да, Андре! Что-то ты сдал в последние годы. Из-за тебя и меня уже в старики записывают.

– Что поделаешь! – скорбно пожаловался я. – Видать, виной тому моя затянувшаяся холостяцкая жизнь. Если бы женился, намного бы помолодел и душой, и телом.

– Не женись, дружище! – захохотал он. – Наоборот, еще быстрее состаришься!

– Нет, нет! – возражал я категорически. – Если жена отвечает лучшим требованиям: добрая, красивая, очаровательная... – я выразительно глянул прямо в глаза оглянувшейся на меня Карлоты.

– Еще чего! – возмущенно фыркнула она. Потом радостно заулыбалась. – С большим удовольствием хочу вас огорчить и проинформировать: у меня есть жених. Красавец, силач, умница и к тому же вице-директор одной очень солидной фирмы.

По скривившемуся лицу ее отца я понял две вещи: жених и в самом деле существует (в отличие от выдуманного ею раньше мужа) и что он очень не нравится Фернандо. Ну, по крайней мере, он от него не в восторге. Я, конечно, внутренне расстроился, но что оставалось делать? Только сказать:

– Не всегда портфель и внешние показатели являются гарантами семейного благополучия, – по прояснившемуся лицу ее отца я понял, что попал в точку.

Мы въехали в этот момент во двор усадьбы, почти со всех сторон окруженный садовыми деревьями. Широкая дорожка, выложенная гранитной плиткой, уходила в глубь сада, и там просматривались стены дома, облицованные таким же серым гранитом, но самой разнообразной и произвольной формы.

– Ну, вот мы и дома! – сказал, выходя из машины, Фернандо и удовлетворенно потирая руки. – Сколько бы ни был в Мадриде, три дня или полгода, а все равно скучаю по родной обители и, когда сюда возвращаюсь, чувствую себя как мальчишка, так мне хорошо и здорово! – и обращаясь уже ко мне: – Как тебе здесь, нравится?

– Да уж! Мне кажется, что это то место, куда стоит возвращаться в любом случае! – подтвердил я.

– Подожди! Сейчас увидишь дом и вид с другой стороны, на море, – пообещал он с гордостью.

– Папа! «Молодой человек», – капризным голосом вступила в разговор Карлота, – обязывался помочь только с выгрузкой багажа, а не проводить инспекцию всей усадьбы!

– Малышка! – ласково укорил ее отец. – Человек надрывается, таская твой багаж, и неужели за это мы не дадим ему полюбоваться прекрасным пейзажем? Ведь это мизерная благодарность!

– Да? А потом ты его пригласишь на стаканчик своего лучшего вина, а потом заставишь сравнить с худшим...

– Прекрасная идея! – радостно перебил отец попытку своей дочери сплавить меня отсюда побыстрее. – Спасибо, что подсказала! И как это я сам раньше не догадался?

– Ты-то, и не догадался? – с сарказмом возмутилась Карлота. – Расскажи кому-нибудь, кто тебя не знает. – И повернувшись, пошла по дорожке к дому, явно чувствуя на своей фигурке мой взгляд и от этого двигаясь как-то немного наигранно и неестественно.

– Ну, раз я такой догадливый, то знаю, куда ты идешь! – крикнул ей вслед отец. – Ты идешь на кухню приготовить что-нибудь горяченького нам на завтрак. Правда? – дочка не ответила, продолжая идти, и только возмущенно дернула плечом. – Ну, вот и молодец! – продолжил он и, видя мой затуманенный взгляд, направленный на дорожку вслед удаляющейся девушке, хлопнул меня по плечу и строго добавил: – А мы действительно займемся багажом.

– Да, да! Конечно! – смутился я и принялся помогать ему доставать их сумки из багажника. Мою он оставил в машине, настояв на том, что потом обязательно подвезет меня к кемпингу. Мы взяли сумки и пошли к дому. Тот был не такой уж огромный, как показалось из глубины сада, но фундаментальный, прочный и очень удобно построенный.

Зато вид, открывшийся со двора, выходящего на море, был поистине великолепен. Территория усадьбы, сходя вниз еще несколькими уступами, оканчивалась высоким забором и выделяющейся в нем калиткой. За ним проходила натопанная тропа для отдыхающих и гуляющих туристов. Потом, по огромным ступенькам из скал, сглаженных ветрами и волнами, можно было спуститься на очаровательный полукруглый пляж, белеющий морским песком среди камней, покрытых водорослями и ракушками. Как раз был отлив, и на скалах, окружающих пляж, были видны мокрые полосы отступившей воды. Воды соленой и принадлежащей только морю. А море плавно колыхалось, покрытое небольшими волнами, и раскидывалось огромным заливом. Справа он терялся меж береговых холмов, уходя к Ное, а слева вырывался в открытый океан. Прямо были видны противоположные берега залива, в межгорьях которых белели постройки небольших городков. На переднем плане находился остров внушительных размеров, покрытый редкими соснами, но с шикарным домом-замком, расположенным на самой его возвышенной части. Общую картину пейзажа дополняли: справа – шелестящий

под ветром лес молодых и стройных эвкалиптов, перемежающихся с сосной; а слева – другим садом с белеющим в его середине небольшим домиком под красной черепицей.

Фернандо, ревниво наблюдающий за моей реакцией на увиденное, спросил:

– Ну, как тебе вид на море?

– В таких местах люди становятся поэтами! – я говорил искренне и с восхищением. И ответ мой понравился хозяину усадьбы.

– Ну, еще бы! Да ты ведь пишешь песни? Вот тебе и место для творческого вдохновения. Придумай что-нибудь популярное, и я всегда буду хвастаться тем, что на этом месте была сочинена новая, а потом ставшая всем известной песня. Что-нибудь эдакое?.. А?! – он пошевелил пальцами рук, а потом развел их широко в стороны.

– Даже не знаю... – я продолжал завороченно любоваться морем и всем его окружающим. – Здесь неуместна фривольная песенка, здесь надо замахиваться на более солидное произведение... – я в сомнении зашел пальцами. – Например... танго! И название должно быть ярким и вместительным... Ну, допустим... – я глубоко, полной грудью вдохнул свежий, опьяняющий аромат моря, ощущая при этом запах эвкалипта, сосны, морских водорослей и отчетливо слыша резкие крики чаек, летающих прямо над пляжем. – Допустим... Морское танго!

– Здорово! – похвалил Фернандо. – Я считаю, что отличное название – это уже как минимум полдела. А ты его уже придумал. Осталось совсем немного, и вижу – тебе это по плечу!

– Да что вы! – засмутился я. – А музыка? А слова? Вот это то и есть самое трудное. На это может уйти иногда непредвиденное количество времени.

– А может и не уйти! – возразил он. – Ведь бывает, что хиты сочиняют за двадцать-тридцать минут?

– Бывает, конечно! Но... – я широко улыбнулся, как бы извиняясь за свое неумение так быстро сочинять хиты. – Если бы я мог, то вы бы меня видели только по телевизору, на больших концертах.

– Но ведь когда-то надо начинать? Все ж великие писали первый хит не в колыбели? И кстати! Мы ведь договорились на «ты»! Или ты уже начинаешь зазнаваться?

– Да нет, что... ты! – засмеялся я. – Вот когда напишу танго, оно станет известным, то тогда... может быть... А пока... – я протянул руку ладонью кверху. – Я простой и открытый. Особенно для друзей детства. – Фернандо хлопнул своей пятерней по моей руке и пригрозил:

– Ну, смотри! А то устроим тебе темную!

– Это с кем же? С ней, что ли? – я кивнул на показавшуюся на террасе Карлоту.

– Найдем, с кем! – он воровато оглянулся. – Здесь вокруг полно других «друзей детства», накостыляем, будь здоров! И без женщин желающих много.

– На что идет набор желающих? – поинтересовалась Карлота, услышав последнюю фразу из нашего разговора.

– Меня бить собираются, – ответил я как можно жалобнее, всем своим видом выпрашивая чью-нибудь защиту.

– Да, дело нужное! Я бы даже сказала – необходимое! – соглашательским тоном вынесла приговор Карлота. – Единственное, что меня возмущает, так это: почему «без женщин»? Почему ущемляются их права? Где справедливость? Я буду жаловаться! На ближайшем семейном совете (когда приедет мама) я вынесу этот вопрос на рассмотрение. Какие все-таки мужчины коварные типы: как что-нибудь плохое, так женщинам можно; а как что-то хорошее и полезное для общества, так «без женщин»!

Мы слушали ее оба и улыбались: я – с глуповатым восхищением, а ее отец – с умильной гордостью. Она оглядела нас надменным взором и добавила, уходя в дом:

– Я открыла несколько разных банок консервов, и их содержимое уже греется в микронде, будет готово минут через пять. А вы поставьте на стол тарелки, вилки и хлеб, – и скрылась в густой тени внутреннего коридора. Но я успел крикнуть ей вслед:

– Ради пользы обществу – я согласен! Когда состоится показательное избиение?

– Бедный! – донеслось из глубины дома. – Под старость лет он так к этому привык, что даже стало нравиться!

Мы с ее отцом переглянулись и одобрительно засмеялись.

– Она у меня такая! Себя в обиду не даст!

– Да кто ее обидеть-то собирается? – возразил я.

– Это тебе просто повезло, – доверительно начал Фернандо. – Ну, там, в автобусе. У нее с детства была вредная привычка грызть ногти, и я всегда с этим боролся. И почти отучил! Даже не помню, когда она в последний раз это делала. А там забылась, и ты ее ловко подколол. Молодец! Это ее и вывело немного из себя. А так она попикироваться мастак, любит поспорить и разыграть любого. Один момент! – он быстро вошел в дом и через минуту вышел с тремя стаканами, тарелками, вилками, хлебом и огромной бутылкой вина. Все это выложив на стол, расположенный с краю двора, под навесом, продолжил: – От нее почти все ее друзья в шоке, не выдерживают долго ее шуток и насмешательств, вернее, не понимают всего ее юмора и веселости и быстро обижаются.

– Так им и надо! – высказал я свое мнение. – Не понимают шуток – им же хуже. А как ее жених? Или она его шадит?

– Даже сам не пойму, – признался Фернандо. – Она над ним издевается, как только хочет, а он в ответ только молчит и улыбается. Может, этим он ей и нравится?

– А может, он просто debil? – высказал я свое предположение.

– Не могу судить с уверенностью: видел всего пару раз. Да шут с ним! Давай присаживайся! Такого вина, как у меня, ты наверняка еще не пробовал! – сам сел первым, лицом к морю и принялся откупоривать бутылку с вином.

Я же, в ожидании Карлоты, сел лицом к дому, не желая лишний раз пропустить ее выход. И когда она появилась с высоким блюдом чего-то парующего в руках, у меня внутри все как-то приятно сжалось и замерло, ладони мои вспотели, а дыхание почему-то сперло. За это время она успела переодеться и выглядела прямо-таки потрясно. На ней был короткий розовый сарафан, смело открывающий ее литые стройные ножки. Плечи тоже были открыты: на них были только две узенькие полосочки ткани. Волосы она собрала пучком в большой, пышный хвост, глаза были широко открыты и смотрели вызывающе-весело.

– За целую ночь я сама зверски проголодалась. Ведь почти ничего не ела, – она поставила миску на стол. – Ну, если не считать какого-то чая из каких-то трав.

В горле у меня почему-то было сухо, и, не говоря ни слова, я просто отодвинулся вправо, жестом показывая на освободившееся возле меня место. Но Карлота этого не заметила или, может, сделала вид, что не заметила, и уселась напротив, потеснив своего отца и заставив подвинуться.

– Завтрак я приготовила, а обед, папа, ты делаешь!

– Приготовила?! – Фернандо с подозрением присматривался к содержимому блюда. Крупные куски мяса и чориса были смешаны там с картошкой, фасолью и еще несколькими составляющими, и все это плавало в густом томатном соусе. Он принялся:

– Правда, пахнет все неплохо и, думаю, с вином пойдет за милую душу. Но! В обед я тоже сделаю что-нибудь подобное, попроще.

– Что хочешь! – согласилась его дочь, раскладывая половником пищу нам на тарелки. – Главное – чтобы было вкусно и побольше салата.

– Еще бы! – Фернандо ловко наполнил стаканы. – Салат я тоже люблю, – неожиданно он, глянув мне за спину, сдвинул брови, спрятал улыбку и проворчал, как бы про себя, но довольно громко: – О! Сунет, старый чертяка!

– Тоже мне, молодой нашелся! – раздалось справа, сзади меня. Я оглянулся и увидел высокого стройного мужчину, уже в годах, но крепкого, загорелого и с черной курчавой бород-

кой. В его прищуренных глазах было столько лукавства и веселости, что он мне сразу понравился и вызвал к себе симпатию. Мужчина подошел к забору со стороны своего сада, как раз возле стола и, уперев руки в бока, поздоровался:

– Доброе утро!

– Доброе утро, дядя Игнасио! – радостно отозвалась Карлота, перекрыв наши приветствия своим громким мелодичным голосом.

– Что ж ты, красавица, жениха привезла, а со мной не знакомишь? – он пристально оглядывал меня с ног до головы. – Хорош парень, внешне, по крайней мере!

– Да нет, дядя Игнасио! – почему-то смутилась девушка. – Это просто попутчик, мы в автобусе с ним ехали.

– А-а! – разочарованно протянул сосед. – А по какому поводу тогда пир с самого утра?

– Да ты все равно не поймешь! – проворчал Фернандо.

– Будь добр, сжался! Объясни – может, и пойму! – заискивающим голосом запричитал Игнасио. – Может, и я когда-нибудь стану таким же «умным», как ты? – и добавил вполголоса, в сторону: – Не дай, господи, такого счастья!

Не обращая внимания на последние слова своего соседа, Фернандо, вздохнув, начал:

– Видишь ли, мой друг Андре, – он показал в мою сторону. Его сосед протянул мне руку через забор, и я, привстав, обменялся с ним рукопожатием, ответив на его короткое: «Игнасио!», словами: «Очень приятно, Андре!» – Начинаящий, но уже подающий надежды автор песен. К тому же сам их и исполняет. Да! – он жестом руки остановил мои попытки возразить. – И вот он приехал к нам, чтобы почерпнуть творческого вдохновения для написания новых произведений. А где это можно сделать? – он показал руками вокруг себя. – Да только здесь! В одном из самых очаровательных уголков Галисии.

– Так он что, здесь еще и жить собирается?! – возмутилась Карлота. Но все как-то проигнорировали ее гневную реплику, а сосед одобрительно закивал головой:

– Да, да! Места здесь самые лучшие, пожалуй, во всей Испании. Поэтому и я с удовольствием присоединяюсь к вашему банкету.

Фернандо напустил на себя самый расстроенный вид, с грустью глянул на бутылку вина, а потом проговорил:

– К сожалению, у нас только три стакана...

– Папа!.. – с укором начала его дочь, но ее радостным тоном перебил дядя Игнасио:

– Как мне повезло! У меня, совершенно случайно, есть свой! – с этими словами он достал из одного бокового кармана легкой куртки-безрукавки платочек, из другого стакан, тщательно протер и, перегнувшись, поставил на стол. – Наливай! – и пока наш хозяин с кислым видом наполнял стакан, ловко перемахнул через забор, разделяющий усадьбы.

– Вот так забор и ломается! – пожаловался мне Фернандо.

– Забор ломается, когда ты через него неуклюже карабкаешься, стремясь ко мне на запах моих прелестнейших вин! – возразил Игнасио и спросил: – А где моя тарелка?

– Ой! Сейчас... – сорвалась с места девушка и побежала в дом.

Заметив, как я смотрю ей вслед, Игнасио обошел Фернандо и уселся на ее место. Потом ткнул своего соседа кулаком в плечо:

– Как съездил?

– Нормально! – заулыбался тот. – Особенно на обратном пути повеселились, – и заговорщически мне подмигнул. – Очень даже было нескучно. Правда, Андре?

– Еще бы! – подтвердил я. – Весь автобус был радостный и возбужденный. – Вернувшаяся в этот момент Карлота поставила столовый прибор и добавила:

– Когда два клоуна собираются вместе – это уже настоящий цирк! Кстати, дядя Игнасио, я здесь сидела.

– Малышка! – запричитал он. – Тебе хватает совести тормозить мои старые кости?

– Как прыгать через забор, так не старые! – высказала она, но села все-таки возле меня. Потом, пренебрежительно на меня глянув, демонстративно отодвинулась подальше, на самый краешек. Сидящие напротив с лукавыми улыбками наблюдали за этой сценой. А мне в этот момент страшно захотелось схватить Карлоту за талию и притянуть вплотную к себе и так держать не отпуская. Но я лишь сказал как можно более непринужденнее:

– Насколько я помню, в автобусе все смеялись только над одним клоуном. Вернее, над одной!

– Видишь, дядя Игнасио! – вздохнула она. – Перевелись джентльмены!

– А кто тебе багаж таскал? – заступился за меня ее отец. – А кто тебя поил специальным чаем? – сдерживая рвущийся у него изнутри смех, он поднял свой стакан. – Давайте выпьем за это солнечное утро и чтоб нам всегда жилось так же хорошо, как сейчас! – и первым выпил. Попробовал и я. Вино действительно было превосходное. В нем было столько аромата и вкусовых разнообразий, что я удивился вслух:

– Такое вкусное, что даже не могу сообразить, из чего сделано!

– Я ведь говорил! – гордо вскинул голову Фернандо. – Лучшего вина тебе здесь не найти! – и досадливо поморщился, когда его сосед вставил: «Разве что у меня!» – А сделано мое вино из разных фруктов, но главное составляющее – ежевика.

– Обожаю ежевику! – вырвалось у меня.

– Вот потому-то вино и имеет такой сильный и приятный вкус. Главная трудность – это собирать очень много ежевики. Но с этим проблем нет: ее здесь немерено. Были б только время и желание...

– ...Кого-то заставить ее собирать, – перебила его Карлота. И пожаловалась почему-то мне: – Он всегда меня заставляет лазить по колючим кустам и наполнять как минимум одно ведро.

– Да... Тебя заставишь... – проворчал ее папаша. – Вот именно: одно ведро за... -надцать лет...

– Я сюда приезжаю отдыхать, а не руки себе царапать! – при этом она показала мне правую руку, на которой действительно были видны легкие, почти зажившие царапины. Я непроизвольно погладил эти царапинки пальцами, и, не знаю, как ее, но меня точно словно током ударило. Возможно, и ей досталось, потому что она испуганно отдернула руку, чуть не опрокинув свой стакан, и уставилась на меня широко открытыми глазами. Воцарилось неловкое молчание, которое нарушил сосед с рядом расположенной усадьбы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.